

Е. М. ШТАЕРМАН

«СЕНТЕНЦИИ» ПУБЛИЛИЯ СИРА
И «МОРАЛЬНЫЕ ДИСТИХИ»
ДИОНИСИЯ КАТОНА

Предлагаемые в настоящем переводе произведения довольно мало известны и редко используются как источники для изучения римской культуры. В значительной мере это объясняется недостаточностью сведений об их авторах. О Дионисии Катоне мы вообще ничего не знаем, и даже время его жизни — II в. н. э. — весьма гипотетично, хотя и вероятно. Неизвестно, принадлежат ли ему следующие за «Моральными дистихами» «Краткие правила». Поэтические достоинства его дистихов оценивались весьма низко, что практически исключало их из курсов римской литературы, всегда уделявших внимание в основном корифеям латинской поэзии и прозы.

Публилий Сир был знаменитым в I в. до н. э. автором мимов, его цитируют Сенека, Авл Геллий (XVII, 14), Макробий в «Сатурналиях» (II, 7), от которых до нас и дошли сведения о нем, собственные же сочинения Публилия Сира не сохранились. Раб по рождению, он был ребенком привезен из своей родной Сирии в Рим и куплен господином, точное имя которого неизвестно. Авл Геллий и Макробий считали, что его звали Домиций, хотя этому противоречит имя Сира — Публилий, которое он должен был получить по имени своего патрона. Господин, заметив в ребенке незаурядные способности, дал ему образование, а затем отпустил на волю. Сир стал автором многочисленных мимов, получивших широкую известность сперва в италийских городах, а затем и в Риме и пользовавшихся большой любовью у плебса. Во время дававшихся Цезарем празднеств Сир принял участие в состязании поэтов и драматургов. Его соперником выступал 60-летний римский всадник, mimoграф Лаберий. По рассказу Макробия Цезарь, желая унижить бывшего республиканца Лаберия, настоятельно просил его выступить вместе с отпущенником Сиrom, вследствие чего Лаберий вставил в свою пьесу содержащие намеки на Цезаря и соответственно понятые зрителями строфы: «Могущественный и когда просит, принуждает», «Вперед, квириты, мы теряем свободу» и «Неизбежно должен многих бояться тот, кого многие боятся». Недовольный Цезарь присудил первый приз Сиру, чем Лаберий был глубоко оскорблен, тем более что публика, зная об отношении к нему Цезаря, поспешила выразить ему свое презрение. Когда он, чтобы смотреть продолжение представления, хотел сесть на скамьи, предназначенные для всадников, никто не подвинулся, чтобы дать ему место. По слухам, Цицерон сказал, что посадил бы его рядом с

собой, если бы сам не сидел так стесненно, на что Лаберий ответил, намекая на политические колебания Цицерона: «Удивительно, что стесненно сидит тот, кто привык сидеть на двух стульях». Свою обиду Лаберий выразил в дошедшем до нас «Прологе». Он писал, что необходимость, удары которой стараются избежать многие, хотя немногим это удается, поразила его на старости лет. Когда он был молод, то не поддавался никакому страху, никакому авторитету, никакой силе; теперь же, на старости лет, повержен умом и милосердием великого мужа, его ласковой речью. Ему и сами боги не могли ни в чем отказать, как же мог бы отказать ему он, человек. И так, он, прожив без малейшего пятна шестьдесят лет, выйдя из дома римским всадником, вернулся домой мимом. Лучше бы Фортуна отняла у него литературную славу, когда он был в цвете сил и лет и мог поправиться столь великому мужу и народу. Теперь же ему ничего не осталось, он подобен гробнице, не содержащей ничего, кроме имени.

Лаберий вскоре умер, и Сир остался безусловным властителем сцены. По словам Сенеки (*De Tranq. animi*, 9; *Epist.*, 8), Сир обладал большей силой, чем все трагические и комические поэты, благодаря множеству высказанных им высоких мыслей, достойных не мимов, а трагедий. Сенека приводит некоторые из них в письмах (30; 94; 104; 116) и в трактатах «О благодеяниях» (I, 14; II, 10), «О гневе» (II, 8; 34) и др., иногда с некоторыми вариантами. Изречения Сира цитирует и Авл Геллий.

Видимо, особенно популярны изречения Сира были в народных массах, для которых, собственно, предназначались мимы. Сборник «Сентенций» Сира, очевидно, неоднократно переписывался и пополнялся различными неизвестными нам составителями, включавшими в него также изречения из других пьес, приобретавшие широкое распространение и превращавшиеся в ходячие пословицы и поговорки.

Следует заметить, что вообще такие краткие изречения и афоризмы были присущи, так или иначе, всем трагедиям и комедиям, предназначенным для массового зрителя. Достаточно просмотреть Плавта и Теренция, чтобы найти тому подтверждение. Такие наиболее меткие изречения затем постоянно использовались в различных сочинениях, речах. Вспомним хотя бы знаменитое «Я человек и ничто человеческое мне не чуждо» Теренция или «Старинными нравами и мужами крепко дело Рима» Энния. Цицерон постоянно приводит подобные сентенции трагиков и комиков в своих трактатах и речах (они и служат одним из основных источников для издателей фрагментов римских комиков и трагиков) и сам неоднократно их формулирует. Так, в трактате «*De Inventione*» он советует оратору при изложении дела прибегать к кратким, ярким, запоминающимся фразам, например, «Из дерзости — ненависть, из наглости — дерзость» (I, 28); «Скупец пренебрегает клятвой» (I, 29); «Как в местности без гавани не могут быть безопасны корабли, так дух без верности не может быть прибежищем друзьям» (I, 30); «Никто не может полюбить мимоходом с одного взгляда» (I, 43). То же в трактате «Об ораторе»: «Если хочешь уничтожить жадность, стремись уничтожить и ее мать — роскошь»; «Если добрая молва дороже богатства, а денег добиваются с таким старанием, то сколь старательнее надо добиваться славы» (II, 40); «Мудрый стремится не к добыче, а к награде за добродетель» (III, 26). В «Ораторе»: «Стыдись охаивать искусство, которым занимаешься» (43); «Там, где господствует сладострастие, невинность плохо защищена» (45) и т. п. Заимствованные у греков краткие изречения были положены Цицероном в основу «парадоксов»: «Единственное благо — то, что честно», «Имеющему добродетель более ничего не надо для блаженной жизни», «Всякий глупец безумен», «Только мудрый свободен, а всякий глупец — раб», «Только мудрец богат».

Роль сентенций, очевидно, определялась ориентацией и драматургов,

и ораторов на широкую публику, посещавшую театры, народные собрания и суды, поскольку они врезались в память, производили впечатление и могли в некоторых случаях служить более действенным аргументом, чем развернутые, многоречивые доводы. И недаром Цицерон наряду с сентенциями ставит меткие, остроумные шутки, способные жестоко сразить противника.

Естественно, чтобы быть эффективными, сентенции должны были выражать настроения, взгляды слушателей и читателей. Часто, особенно во время театральных представлений, произнесенная актером реплика воспринималась зрителями как намек на современные обстоятельства и вызывала соответствующую реакцию. Выше уже упоминалась реакция присутствовавших на фразы Лаберия. Часто приводился рассказ о том, как во время правления Клавдия на одном спектакле актер произнес слова: «Раб, попавший в счастье, непереносим» и зрители с криками повернулись в сторону могущественных и многими ненавидимых вольноотпущенников императора. Но Клавдий успокоил зрителей другой питатой: «И из хижины козопаса может выйти великий человек». Такие примеры могли бы быть умножены.

Все это показывает любовь римлян к подобным кратким изречениям, обратившимся в поговорки. Но, конечно, не все они прививались и обретали популярность. Тем более интересны наиболее распространенные, вошедшие в сборник, приписывавшийся Публилию Сиру. Их подбор может служить, наряду с баснями и надписями¹ одним из источников для изучения социальной психологии римских низов времен империи, к сожалению, известной нам гораздо меньше, чем идеология социальных верхов, отраженная во многих творениях ее представителей.

Некоторое представление об идеях близких «маленьким людям», мы можем получить, учитывая распространение кинизма в среде, характеризовавшейся Апулеем как среда грубых кабатчиков и сапожников, а Лукианом — как среда беглых рабов, поденщиков, плотников и шерстобитов, т. е. примерно так же, как Цельс характеризовал христиан. Общность среды обуславливала и некоторые точки соприкосновения между раннехристианской и кинической этикой. Так, например, мы знаем, что древние киники во главу угла добродетельной жизни ставили не знание и мудрость, как философы высших классов, не посвящение в мистерии, якобы очищавшие душу и приближавшее ее к богам, а труд. Их героем был Геракл, ставший богом за свою неутомимую деятельность на пользу людям, не гнушавшийся и такой самой черной работой, как очищение Авгиевых конюшен. Как известно, и ранние христиане провозгласили принцип: «Не трудящийся да не ест», а авторы «Дидахе» считали, что не желающий трудиться — лжехристианин и лжепророк. В басне Федра о пчелах и трутнях (I, 26) мораль гласит, что не бездельник, а труженик имеет право на плоды труда, а в басне о посвященных богам деревьях (III, 47) проводит мысль, что труд должен быть полезен людям. В одной из декламаций Псевдоквинтиллиана (298) крестьянин горько упрекает сына, ставшего паразитом богача, за то, что он променял труд на дедовском и отцовском участке на оплачиваемые рабским унижением подачки. О радости труда говорят некоторые стихи безымянных авторов, собранных в «Антологии» А. Ризе², — судя по контексту, людей простых и бедных. О своих трудах при жизни писали простые люди в своих эпитафиях, а один отпущенник посвятил свою гробницу Трудам (*Laboribus* — CIL, IX, 3215). Однако общее положение в тогдашнем обществе, базировавшем-

¹ Гаспаров М. Л. Римская литературная басня. М., 1965; Штаерман Е. М. Мораль и религия угнетенных классов Римской империи. М., 1961.

² *Anthologia latina*, p. I, col. A. Riese. Lipsiae, 1869.

сы на рабстве, не благоприятствовало труженикам. Не говоря уже о том, с каким презрением высшие классы относились к вынужденному работать, особенно работать по найму, человеку, всякий выдававшийся своим умением и способностями, пользуясь уважением равных себе (о чем тоже свидетельствуют эпитафии, прославлявшие искусных мастеров), высшим внушал недоверие и подозрение. Не только умелый, толковый, инициативный раб казался господину потенциальным мятежником, но и свободный «маленький человек» оказывался в том же положении, судя по изречению комментатора Горация Порфириона: «Опасно для низших и вредит низкопоставленным превосходить других в искусствах» (*Epist.*, II, 1, 13). О том же говорит басня Авиана о ливне и амфоре (16): последняя гордилась тем, что ее сделал искусный мастер, но ливень насмеялся над ней и размыл ее, превратив в глину. Мораль гласит, что низшие должны подчиняться высшим, не гордиться и лишь тихонько оплакивать свою участь.

Отсюда ярко выраженное нежелание простых людей соприкасаться с миром богатых и знатных, недоверие к их лицемерному благоволению, ведущему лишь к новым несчастьям для обездоленных. Теме опасности дружбы с высокопоставленными, которые лукаво втираются в доверие к бедным, чтобы тем легче их разделить и поработить, посвящено много басен Федра и Авиана. О губительности для бедняка дружбы с богачом трактуют и некоторые декламации в сборниках риторических упражнений. С этой темой связана и тема «благодетения», оказывавшегося сильными людьми отдельным лицам и целым общинам, попадавшим затем в клиентскую зависимость от «благодетеля». И недаром юрист Павел сформулировал, видимо, далеко не всегда соблюдавшееся правило, зафиксированное в «Дигестах»: «Не оказывай благодетение нежелающему» (50, 17, 69).

Отвращение к официальному миру богатых и знатных порождало особенно сильное стремление к единению с себе подобными, от которых можно было ожидать сочувствия и помощи, но не вреда. Бедняк, говорит Плутарх, не боится сикофанта, ему не страшна зависть (*De Superstit.* 4). И угнетенные, и угнетатели прекрасно понимали, что сила первых в единении. Басня Авиана о быках и льве (18) рассказывает о том, как лев не решался напасть на четырех связанных тесной дружбой быков, но, разединив их коварными резами, победил и съел поодиночке. А в одной надписи патронессы города Аусуга она, сетуя на причиненные ей народом несправедливости, сравнивает плебеев с саранчой, беззащитной и робкой в одиночку, но опустошающей поля и леса, когда она объединяется в стаи (*CIL*, V, 5049).

Соответственно, в низах высоко ценились свойства, объединяющие равных по качествам и положению в обществе людей: дружба и готовность бескорыстно помочь друзьям, прославлявшиеся во многих эпитафиях «маленьких людей» (например, *CIL*, V, 8012, 9372, 9659; XIV, 2605; A. é., 1957, № 3 и др.), невинность, простодушие, доброта, милосердие, сострадание, т. е. те самые свойства, которые считались обязательными и для членов раннехристианских общин, вербовавшихся из тех же слоев. Более или менее осознанно они противопоставлялись военным и гражданским добродетелям высших классов, часто фигурировавшим на монетах императоров и у философов, в первую очередь стоиков. Так, простодушие было прямо противоположно учению о добродетели как мудрости, которой, по словам Порфириона, не имеет плебс (*Od.* II, 1, 18). Милосердие и сострадание — снисходительности (*Clementia*), которая вдохновляет мудреца на помощь несчастным, но отнюдь не на сострадание им, ибо сострадание, во-первых, неуместно, поскольку несчастные несчастны по своей вине, не научившись презрению к внешним вещам, а во-вторых, так как философ не должен волноваться и печалиться из-за других, смущать свою душу

и разум неподобающими ему аффектами. За доброту, милосердие, сострадание, простодушие прославляются в эпитафиях многие покойные. Один из них посвятил свою гробницу Милосердию (CIL, VI, 10802), а простодушие было настолько популярно, что имелись даже коллегии «маленьких людей», именовавшиеся Симплициями (CIL, VI, 3323; XIV, 4548^{20B}). «Лучше жить без мудрствования» — гласит одна сентенция, а ранние христиане, как известно, выступали против «мудрости века».

Отвращение к власти имущим проявлялось и в утере интереса к официальной общественной и политической жизни. «Когда сменяется принципс,— писал Федр,— для бедняка не меняется ничего, кроме имени господина» (I, 15). И в популярных пословицах мы не найдем высказываний на упомянутые темы, бывшие столь актуальными для римлян в эпоху расцвета римской гражданской общины — высшей ценности для ее сочленов, и в эпоху ее кризиса, когда кипела острая борьба между классами и условиями, каждое из которых имело более или менее ясно осознанные представления о том, чего нужно добиваться, чтобы исправить существующее положение. Теперь старые программы утратили актуальность, новые еще не возникли, не было объединяющей цели, за которую стоило бы бороться. Отсюда — равнодушие к социально-политическим вопросам, более или менее характерное для всех социальных слоев эпохи раннего принципата. Но если в высших классах оно вело к индивидуализму, проповеди ухода в себя, фатализму, пассивности, пессимизму, то для низших классов дело обстояло несколько по-иному.

Сама необходимость трудиться исключала пассивность, а сознание силы единения с себе подобными — индивидуализм. Вместе с тем, подспудно присутствовавшая мысль о безнадежности какой-либо борьбы, отсутствие неких больших целей вели не к попыткам активного сопротивления, а к противодействию, выражавшемуся в отгораживании себя от официального мира для сохранения своей духовной свободы, неприкосновенности своей личности. Столь ярко выраженное у Эпиктета противопоставление «безразличного», внешнего единственно значимому внутреннему, духовному, противопоставление, позволявшее мудрецу отдать тирану, «бросить ему в лицо» свое тело и жизнь, но сохранить «свободу своего суждения», имело место и в народной социальной психологии. Свое наивысшее выражение оно нашло в знаменитом христианском «воздайте кесарю кесарево», но в той или иной мере оно жило и в сознании языческих низов. Здесь наблюдается известная двойственность. С одной стороны, мы видим призывы мстить даже сильным обидчикам (например, басни Федре о лисе и аисте — I, 26, 28). С другой, — идею подчинения необходимости, с которой невозможно бороться, отказ от стремления к тому, что не дано, совет к безропотному перенесению обиды от высших, поскольку попытки сопротивления приведут лишь к гибели, призыв к соблюдению себя самого в чистоте и добродетели, более важных, чем внешние успехи. Если мы сравним в этом смысле басни Федре, жившего в I в., и Авяна, писавшего в IV в., но обработавшего и ранее ходившие в народе сюжеты, то увидим, насколько отчетливое течение со временем возобладавало. Оно и понятно, если учесть, что Федр писал при Тиберии, когда, по известному выражению Тацита, «еще был призрак республики», а Авян — в эпоху, когда «маленькому человеку» противостоял весь огромный военно-бюрократический аппарат империи, весь класс *potentiores*, столь высоко вознесшихся над попавшими от них в полную зависимость *humiliores*, когда народные движения еще только начинались в провинциях и безжалостно подавлялись, когда мысль о неизбежности существующего устройства была настолько самоочевидна, что даже багауды выбирали себе императоров.

В «Сентенциях» Сира, как и в пословицах, приводимых в других сбор-

никах, например, во фрагментах римских комиков, изданных О. Риббеком³ (некоторые из них, особенно характерные, включены в данный перевод), мы найдем многочисленные отображения кратко охарактеризованных здесь основных черт социальной психологии простого народа. Так, многие из них говорят о силе, даваемой «маленьким людям» единением: «Великое гибнет от ненависти, малое возвышается любовью», «Согласие укрепляет помощь и маленьких людей», «Победа всегда там, где согласие». Большое внимание уделяется высокой ценности дружбы и обязанностей друга: «Давай другу тем больше, чем меньше ты имеешь», «Потеря друга — самая большая потеря», «Не бывает тесен дом, принимающий многих друзей», «Опасаящийся друга не знает силы этого имени», «Если дружба кончилась, значит она и не начиналась». Подчеркивается, что дружба возможна только между равными: «Легко соединяется равный с равным», «Не совместимы любовь и страх», «Не может быть дружбы между рабом и господином», «Союз душ — самое большое родство». Ряд пословиц призывает прощать и врагу, например: «И к врагу обращайся с добрым словом». Призыву к дружбе с равными противостоит крайне отрицательная оценка богатых и знатных: «Богач или негодай, или наследник негодая», «Не живет добродетель в высоких хоромах», «Хороший человек не обогащается быстро», «Негодяй в счастье — бедствие для хороших людей», «Злоба одного — бедствие для всех». Они несут простому человеку только несчастья и насилие: «Легко могущественному обидеть несчастного», «Как печально быть обиженными теми, на кого не смеешь жаловаться». Власть имущие только притворяются, что хотят помочь: «Величайшее коварство — притворяться добрым», «Принимая благодеяние, продаешь свободу».

Как и в баснях, в «Сентенциях» сказывается двойственное отношение к тому, как следует реагировать на причиненное зло. С одной стороны, мы видим призывы к борьбе с ним: «Глупо быть благородным с бессовестными», «Часто оскорбляемое терпение обращается в ярость», «Сам себя обижает тот, кто не мстит», «Вредит хорошим щадящий злых», «Не мстя за преступления, помогаешь злодейству», «Тот, кто колеблется в мести, создает многих негодаев», «Снося обиду, вызываешь новые», «Мстя врагу, обретаешь новую жизнь», «Кроткие живут в безопасности, зато они рабы». Но, с другой стороны, мы находим ряд призывов к кротости и терпению: «Лекарство против обид — прощение», «В безопасности тот, кто боится, даже когда ему ничто не угрожает», «Лекарство от несчастья — терпение», «Пристань несчастных — терпение», «Терпи без жалоб то, что не можешь изменить», «Неизбежное следует терпеть, а не оплакивать», «Для несчастных всего лучше ничего не предпринимать», «Гневаться на могущественного — значит искать себе опасности», «Тот, кто раб против воли несчастен и все же раб». Здесь в той или иной мере сказывается влияние стоиков, особенно Сенеки, одной из основных идей которого было безоговорочное повиновение необходимости, насильно влекущей глущца, тогда как мудрый следует за нею добровольно, принимая ее веления как свои собственные желания, не пытаясь с нею бороться, что-либо изменить, понимая, что иго сильнее ранит шею сопротивляющегося, чем покорного. Но у Сенеки такая идеология отчасти была обусловлена его биографией, но в значительной мере — умонастроением высших классов, тосковавших по временам Брутов и Катонов, но не видевших возможностей иного устройства общества и государства, чем современное им, и вела к пассивности, к фатализму. У низших классов, высоко ценивших, как выше упоминалось, трудовую деятельность, отношение к жизни было более активно:

³ Comitorum Romanorum fragmenta, recensuit O. Ribbeck, Lipsiae, 1873.

«Человеческий дух достигает всего, что себе предпишет», «Смелость укрепляет мужество, колебания — страх», «Ничего не делая, человек привыкает делать дурное», «Не Фортуна создает закон для прав человека», «Никогда Фортуна не бывает сильнее разума», «Лучше полагайся на добродетель, чем на Фортуну», «Фортуна каждому формирует его нравы». Очень ярко аналогичные мысли выражены в басне Авиана о крестьянине и Геракле (32), показывающей, что боги не слушают мольбы и обеты ленивых и помогают лишь тем, кто сам трудится. Осуждается эгоизм, сконцентрированность только на себе самом: «Плох тот, кто хорош лишь для себя», «Кто живет лишь для себя, поделом считается мертвецом». Некоторые сентенции идут в этом смысле и дальше: «Счастливы те, кто уничтожает понятия „мое“ и „твое“», «Начало вражды — обращать общее в свое».

Трудясь и стремясь достигнуть цели, человек должен действовать лишь честными методами: «Думай больше о совести, чем о репутации», «Умолчав о содеянном, усугубляешь вину», «Для несчастного невинность — счастье», «Совесть карает и помимо закона, хотя часто в безопасности», «Честность — счастье в бедности». Жила и надежда, что рано или поздно причиняющие людям злобудут наказаны: «Кара подползает к злему, чтобы его сокрушить», «Кара может замедлить, но не обойти негодя».

Как мы видим, «Сентенции» Публилия Сира дополняют и расширяют то, что мы знаем из басен и надписей о социальной психологии римских плебеев времен империи. Они лишний раз подтверждают ее отвращение от официальной идеологии и известную (значительно большую, чем у стоиков с их бесстрашием, фатализмом, пассивностью) близость к христианской морали, что и способствовало распространению христианской морали в низах. В некоторой мере эта идеология была ответом на делавшиеся сверху попытки сгладить в идеологической сфере противоречия между высшими и низшими, господами и рабами. Такие попытки, как известно, отразились в сочинениях Сенеки, доказывавшего возможность дружбы между господами и рабами (хотя последние фигурировали лишь на роли «маленьких друзей», подымаемых до себя добродетельным и мудрым господином), в рассказах о «преданных рабах», спасавших господ иногда ценой собственной жизни, в организации фиссов, возглавлявшихся патроном и господином и включавших его клиентов, отпущенников, рабов, и т. п. Но поскольку в реальной жизни социальные противоречия все более обострялись, а неравенство высших и низших, закреплявшееся юридически, становилось все более резким, подобные попытки и проповеди вызывали лишь обратную реакцию, медленно, но неуклонно подрывавшую идеологическую базу империи.

В «Сентенциях» обращает на себя внимание отсутствие интереса не только к политической жизни, вполне понятное в тех условиях, но и к религии, вернее сказать, к санкционированной религией морали. Мы не встречаем здесь мыслей о прижизненном или посмертном воздаянии богам людям за добродетельную жизнь. Это тем более странно, что из других источников, в первую очередь эпиграфических, известно, что идея приобщения души к богам, ее блаженство в Элисии как награда за добродетельную жизнь была в то время общераспространенной как в верхах, так и в низах. Такую неполноту «Сентенций» следует учитывать, используя их как источник для изучения народного мировоззрения времен империи и пополняя его другими.

Особое место занимают «Моральные дистихи» Дионисия Катона. Как упоминалось выше, мы ничего не знаем об их авторе, но можем себе составить некоторое представление о нем на основании самого текста.

По всей видимости, Дионисий Катон принадлежал к «средним слоям», состоявшим из владельцев небольших лавок и мастерских с несколькими

рабами. Он советует и самому изучить ремесло, способное прокормить при отсутствии или потере средств к существованию, и обучить ремеслу также детей (I, 28; IV, 19, 21). Трудиться следует для приобретения выгоды (IV, 7). Значительная часть его советов вообще направлена на извлечение выгоды, экономию, сбережение и умножение своего имущества, однако без какого-либо неоправданного риска (I, 24, 32, 39; II, 5, 26; III, 9; IV, 3, 7, 45): так, если будешь небрежен в ведении своих дел, то не только обеднеешь, но станешь общим посмешищем за свою глупость. Вообще, приобретение хорошей репутации имеет для него большое значение. Ради нее можно пойти на некоторые расходы, которые затем окупятся (I, 35). Пользоваться умеренно радостями Вакха и Венеры можно, но только так, чтобы они не повредили ни кошельку, ни репутации (IV, 30). Не следует возбуждать зависть и осуждение ни излишней скупостью, ни чрезмерным мотовством (II, 13, 19; IV, 15). Друзей, конечно, хорошо иметь, но надо соблюдать относительно них весьма тонкую дипломатию: если подозреваешь, что друг с тобой хитрит, постарайся перехитрить его сам (I, 26), уступай ему, если это в дальнейшем даст тебе выгоду (I, 34), будь с ним лишь в меру откровенен, так как друг всегда может стать твоим врагом, и не будь с ним чрезмерно щедр (II, 7; III, 10; IV, 28). Вообще, вести себя следует осторожно, ибо люди опаснее зверей (IV, 11). Надо уметь молчать, чтобы не прослыть автором слухов (I, 3, 12), приспособливаться к обстоятельствам (I, 7), если нужно, притвориться дураком (II, 18). Выспих надо уметь использовать к своей выгоде: победить их терпением, уступать, чтобы затем превзойти, так как хотя они и могут повредить, но из них можно извлечь и пользу (I, 38; II, 10; IV, 39). Им не следует завидовать, ибо в конце концов судьба покарает недостойных (II, 23).

Есть у Дионисия Катона соображения и на отвлеченные темы, например, призыв почитать бога, который есть дух, не кровавыми жертвами, а чистым разумом, приходя к нему «с чистыми руками» (I, 1; IV, 38). Вместе с тем, он считает недопустимыми попытки проникнуть в тайны божества (II, 2, 12), т. е. следовать занимавшимся этим философам. Читать и учиться полезно, но прочитанное надо забывать, поскольку поэты много лгут (III, 19; IV, 23, 27, 29). Не отставая от тенденций своего времени, он советует быть снисходительным к рабам, не презирать их полезных советов, помнить, что и они тоже люди (I, 8; III, 11; IV, 44).

«Краткие правила», также приписывавшиеся Дионисию Катону, но, возможно, составленные другим автором того же времени и из той же среды, прибавляют еще такие советы, как посещать форум, знать право и присутствовать на судах, уважать законы, сражаться за родину.

Сопоставление «Моральных дистихов» и «Кратких правил» с «Сентенциями» Публилия Сира, с одной стороны, и с моралью «высокой» философии, — с другой, очень любопытно. Оно показывает, чем жила значительная масса населения, составлявшая промежуточное звено между верхами и низами, пополнявшая состав тех и других и сама за их счет пополнявшаяся. Здесь мы видим некие остатки «гражданских добродетелей», постепенно исчезающих в верхах и исчезнувших в низах, пресыщенных официальной пропагандой, становившейся для них все более чуждой. Видим и какие-то попытки приобщиться к новым религиозно-философским идеям, без особого в них проникновения, и главное — возведенную в добродетель изворотливость и накопительство. Умножение богатства было добродетелью во времена Катона-Цензора, когда господствовала идея неразрывной связи гражданина и гражданской общины: богатство и процветание последней обуславливало богатство и процветание каждого гражданина, а его долгом было, умножая свое состояние, богатство своих будущих наследников, способствовать благополучию и всего гражданского коллек-

тива. У Дионисия Катона такая взаимосвязь отсутствует, остается лишь эгоистическое приобретательство без каких-либо дальнейших целей, кроме упрочения своего собственного положения. Откровенность Дионисия Катона в этом плане тем более любопытна, что в его время общим (в данном случае и для верхов, и для низов) был тезис о презрении к богатству и прославление бедности, дающей духовную независимость. Бедность прославлял и один из богатейших людей своего времени — Сенека, и бедняк Эпиктет, и Апулей, считавший, что только невежда может не уважать бедность, и многочисленные авторы (иногда люди, несомненно, в общем обеспеченные) эпитафий, расхваливавших за простую и бедную жизнь приобретящих к богам, и конечно ранние христиане. Естественно, что такое отношение к бедности мало кому мешало при возможности обогатиться, но признаться в подобном стремлении, видимо, решались только люди из среды мелких собственников из свободнорожденных и отпущенников. Возможно, это объясняется тем, что они наиболее тесно были связаны с городами, мечтали стать августалами, вывести детей в сословие декуррионов, что можно было достичь, лишь обладая более или менее значительными средствами, пользуясь уважением в своей среде, отдавая должное «гражданским добродетелям», лясья своим патронам и покровителям и не претендуя на духовную независимость. Нечто сходное мы видим в некоторых надписях из Африки, авторы которых хвалятся, что своим трудом, выйдя из низов, достигли богатства и почетного положения в городе. В известной мере они были оплотом империи, право которой, продолжая право республики, ставило в обязанность каждому собственнику извлекать доход из имущества, по какому бы праву оно ему ни принадлежало, под угрозой лишиться его в пользу более рачительного хозяина.

Таким образом, «Моральные дистихи», «Краткие правила», «Сентенции» Публилия Сира дают нам значительный материал для сопоставления идеологии различных социальных слоев, значительно менее нам известной, чем идеология правящего класса и близкой к нему интеллигенции.

Перевод выполнен по изданию: Phedrus, Avianus, Publilius Syrus, Dionysius Cato, ed. M. E. Pessonneaux. Paris [s. a.] (в серии Bibliothèque latine-française).